

Семь семей – семь историй

|| Культура

«Нет в России семьи такой, где не памятен свой герой...» – звучит известная песня из кинофильма «Офицеры». Простые, но невероятно правильные слова, и сразу понятно, о чем сейчас пойдет речь...

Возле экрана – семь стульев, на них сидят женщины, как говорят – представители старшего поколения. Их истории звучат в рамках документального спектакля «Переулками памяти», представленного театральной студией «Мари Ванна». Причем это не рассказ о всем пути, а какие-то небольшие, выхваченные из общей картины фрагменты, которые остались в памяти. Их не забудешь, не сотрешь, да и не надо – ведь жизнь как раз складывается из этих мгновений, картинок, звуков, запахов, кусочков бытия...

Иван да Марья

В руках у **Ирины Воробьевой** – военная фляжка и офицерский планшет. Предметы тюменке достались от отца – Ивана Гевлича. От мамы сохранилась другая, может быть весьма прозаичная, но дорогая сердцу реликвия – картонная коробочка от ее любимых духов «Ландыш серебристый». Именно мама рассказала повзрослевшей дочери историю знакомства, пришедшегося на суровые военные годы.

20-летняя девчонка, оказавшаяся вместе с тремя миллионами советских граждан в осажденном Ленинграде и умирающая от голода, решила воспользоваться единственным шансом на жизнь – пойти на фронт. Пройдя ускоренные медицинские курсы, Муся оказалась в военно-полевом госпитале.

– Раненых танкистов привозил симпатичный сероглазый парень – Иван. Это был мой будущий папа. Они с мамой полюбили друг друга с первого взгляда. Потом, когда Иван привозил раненых, всегда вызывали Машу. Это были деловые встречи, и в то же время – свидания, – рассказывает тюменка.

А на экране мы видим фотографии из семейного альбома. Молодые, красивые, полные жизни Иван да Марья.

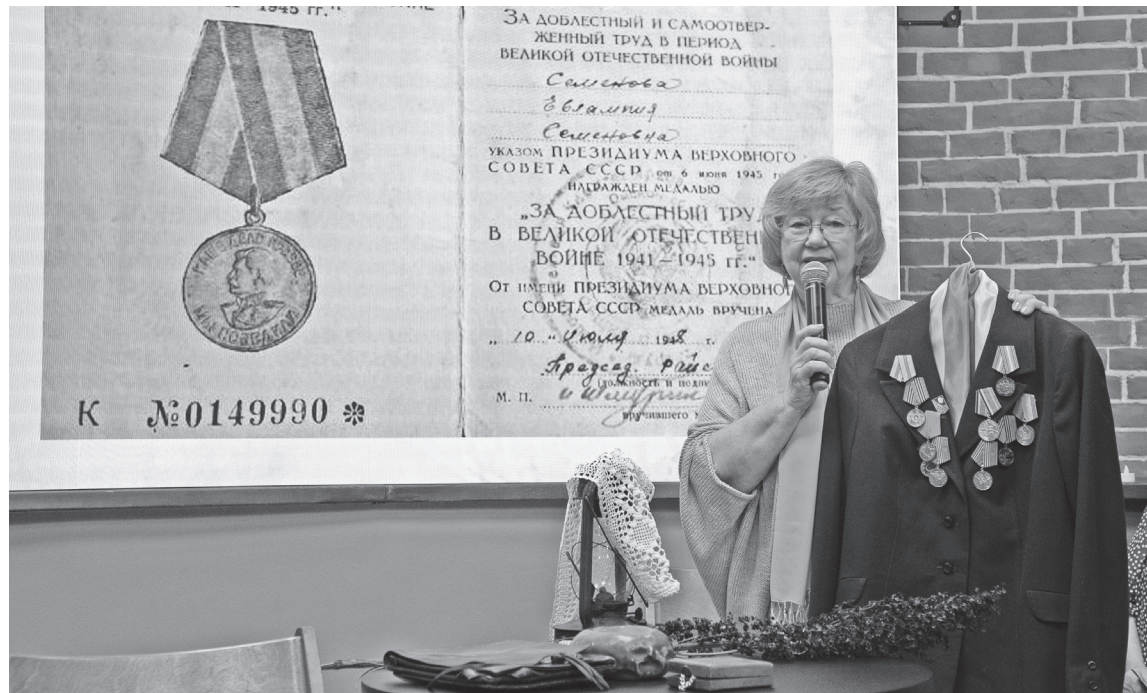
Танкист дошел до Берлина, расписался на стене Рейхстага, а в 1946 году они поженились. Прожили вместе почти 40 лет, оставив сына и дочь, а еще – вечную память о себе.

Хроника пикирующего бомбардировщика

В семье **Любови Клементьевой** хранятся старинные швейцарские часы на цепочке как память об отце.

Анатолий Рашутин на войне был стрелком-радистом. 19-летнего парнишку зачислили в один из экипажей авиационного полка разведки. В один из сентябрьских дней 1942 года вместо Рашутина полетел Манук Степанян – стрелку-радисту из другого экипажа не хватало одного вылета, чтобы заслужить орден и отпуск домой. Но самолет был атакован, и получается, Манук спас юношу, приняв за него смерть.

После войны Анатолий, вернувшийся из вражеского плена (в 1943 году его самолет был сбит), записал свои воспоминания. Эти мемуары помогли установить имена членов экипажа обнаруженного в 2014 году в Тверской области бомбардировщика. Одним из них как раз и оказался Манук Степанян. Родственники стрелка-радиста не смогли присутствовать на торжественной церемонии захоронения, зато приехала из Тюмени семья Анатолия Рашутина, которому

Строгий темно-синий пиджак с наградами мама Ольги Майер надевала лишь по самым торжественным случаям || Фото Сергея КУЛИКОВА

После войны хороший механик работал на многих сельскохозяйственных машинах, – объясняет тюменка.

Другой предмет документального воплощения прошлого семьи – связанная крючком кружевная дорожка, некогда украшавшая наволочку. Ее сделала своими

силы взялись! Побросав лопаты, женщины побежали в правление, а там уже народ, реки слез горя и радости. Это не поддается никакому описанию, но в памяти остается. Несмотря на столь трудные судьбы, мои родители сохранили и мудрость, и милосердие, и радость жизни, воспитывая своих детей, – подчеркивает Светлана Ерофеева.

Девочки-лесорубы

В семье **Ольги Майер** хранится пиджак с наградами ее мамы – Евлампии Спицыной. Когда началась война, старшие братья ушли на фронт, а на плечи девочки легли заботы о больной маме, слепом отце и младшем братишке. Не было такого деревенского труда, который бы она не испробовала: жала хлеб, вязала снопы, выращивала овощи, сеяла лен, ухаживала за животными. Но самым сложным был лесоповал.

– Лес валить – не каждому мужчине по плечу, а тут три подружки 16 лет, мама – бригадир. С октября по апрель они жили в лесу, в бараках, вставали раньше всех, пекли по три картошки на обед и отправлялись валить лес. Двадцать-двадцать пять деревьев. Представить трудно! Чтобы спилить дерево, нужно разгрести снег, потом на коленях, порой без рукавиц, спилить дерево так, чтобы пенек был не выше десяти сантиметров. Потом еще срубить

и сжечь ветки, а бревна распилить, – рассказывает Ольга.

Актрисы студии «Мари Ванна»:

« Мы надеемся, что наши документальные свидетельства помогут увидеть войну как личную драму миллионов людей, поднимут у молодежи интерес к изучению истории, чтению мемуаров, посещению музеев и мемориалов. Хотелось, чтобы ребята после спектакля поинтересовались у своих бабушек и дедушек о семейных реликвиях, об участии их предков в Великой Отечественной войне. »

посчастливилось выжить, вырастить детей и порадоваться внукам.

– Так закончилась хроника пикирующего бомбардировщика длиной в 75 лет. Манук Степанян, как и многие герои Великой Отечественной, погиб, не оставив после себя детей, но память о нем бережно хранят потомки Анатолия Рашутина, – отмечает Любовь Клементьева.

Люди с руками

Светлана Ерофеева достает из сумки реликвию своей семьи – старый керосиновый фонарь «летучую мышь».

– Чем старше я становлюсь, тем чаще вспоминаю свое детство, словно смотрю какой-то незаконченный спектакль, где главные герои – мои родители, – говорит она, вспоминая отца, Ивана Чижикова. Он воевал на флоте, дважды был ранен, но неизменно возвращался на свой корабль.

– О военном времени отец рассказывать не любил. Лишь иногда напевал «Раскинулось море широко», печалился и смахивал непрошеную слезу. Было видно, что он вспоминал что-то очень тяжелое и страшное из своей жизни.

руками мама. Непростая судьба выпала на долю Василисы Александровны: раскулачивание, голод, лишения и труд – суровый, каждодневный. Чтобы семья могла выжить, женщина держала корову, трудилась в поле, а потом стала вязать ажурные салфетки и скатерти. Чтобы продать их на рынке, ей приходилось преодолевать пешком по 30 км.

Каждое 9 мая Василиса Чижикова рассказывала о том, как закончилась война.

– В тот день, как обычно, все женщины были на работе – они лопатили зерно, готовились к посеву.

Вдруг услышали крик пробегающего мальчишка: «Победа!»

И откуда только

Керосиновый фонарь – реликвия семьи Светланы Ерофеевой || Фото Сергея КУЛИКОВА

Черный хлеб и пряник

Римма Романова не может передать внукам материальное воплощение своей памяти, зато делится воспоминаниями, оставшимися после посещения первой новогодней елки в военный 1944 год.

– В центре стояла она – наша елка, украшенная самодельными игрушками из картона и гирляндами из раскрашенной газетной бумаги. Невозможно было отвести взгляда от макушки, ведь там блестела настоящая стеклянная звезда. Нам елка казалась волшебной. Мы водили хороводы, пели песни, играли, загадывали загадки, – вспоминает она.

А после на полднике ничего не подозревающим ребятам выдали по гостинцу – это был не огромный кулек с игрушками и сладостями, которые сегодня получают наши дети. Нет! Это был всего лишь пряник. Но не было счастливее тех детей!

– Мы не смели поверить своему счастью. Пряник! Много лет только черный хлеб и вдруг – пряник. Решили так – видимо, скоро конец войны! – с придыханием, переходя на шепот, рассказывает Римма Николаевна. И сердце сжимается от того, как мало было нужно для счастья тем, чье детство пришлось на суровое военное время.

Но как понять эти чувства сегодняшним молодым людям, например, студентам колледжа производственных и социальных технологий, которых пригласили на спектакль?

– Уверена, что об этом надо рассказывать. Не просто книгу дать почитать, а в живом общении. У каждого своя история, и в каждую вникаешь. Ребята ушли впечатленные, – говорит ведущий специалист по работе с молодежью центра «Держинцев» **Екатерина Экгардт**.

Ирина ТУНГУСОВА